

ОТНОШЕНИЕ Л.Н. ТОЛСТОГО К НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОМУ ПРОГРЕССУ

Развернувшийся в пореформенной России научно-технический прогресс вызвал неоднозначную оценку у отечественных философов. Толстовское понимание этого социального феномена выразилось в том, что развитие науки и техники в нашей стране будет наиболее эффективным, когда в общественном сознании утвердятся Христово учение.

Ключевые слова: прогресс, наука, техника, религия, народная мудрость.

Научно-технический прогресс, определяющий лицо современной планеты, имеет в каждой стране собственные истоки, размах и глубину. Развитие науки и техники происходило неравномерно и в разные исторические сроки. Обычно его начало относят к XV–XVI векам, когда в государствах Западной Европы произошли заметные социальные изменения. Появление научно-технического прогресса на святой Руси произошло в знаменательный отрезок российской истории. После тяжело выстраданного, эпохального события – отмены крепостной зависимости – Россия наконец-то вплотную приступила к долгожданной трансформации обветшавших феодальных устоев и к быстрому формированию капиталистической собственности. Хотя освобождение было неполным, так как самодержавное правление сохранилось и продолжало существовать, сдерживая прогрессивные перемены, тем не менее старый государственный аппарат уже не в силах был остановить процесс становления машинного производства и буржуазного обновления буквально всех сторон духовной ойкумены.

Крушение многовекового крепостнического гнета на широких просторах Российской империи эхом отозвалось во всем многообразии различных слоев пореформенного населения. Не остались в стороне и просвещенные круги интеллигенции. У работников интеллектуального труда произошел небывалый всплеск творческой активности. В их сознании воцарилась праздничная эйфория по поводу обретенной свободы: всем казалось, что теперь-то они смогут стать чрезвычайно полезными для нового нарождающегося общества. Как представители богемы, так и маститые ученые наперебой предлагали широкой общественности свои оригинальные продукты кисти и пера, перечеркивающие устаревшие представления и соответствующие революционному духу времени. Кто ратовал за новую литературу,

кто за новое искусство, кто за новую науку и философию, словом, каждый старался внести в сокровищницу русской культуры свою посильную лепту. Достойное место в ряду этих первооткрывателей-новаторов принадлежит великому русскому мыслителю Л.Н. Толстому.

Как правило, интерпретируя толстовское наследие, наши отечественные исследователи в один голос утверждают, что философские конструкции творца «Войны и мира» в корне отличаются от теоретических построений признанных русских мэтров. В трудах яснополянского дворянина дана весьма самобытная характеристика простого человеческого общения в быту, на государственной службе, в городских и сельских поселениях. Занимаясь теми или иными повседневными делами, все члены гражданского общества, с его точки зрения, должны относиться друг к другу совершенно по-новому, отнюдь не так, как они делали это прежде. Им нужно строить собственное поведение, руководствуясь христианскими заповедями любви и непротивления злу насильем. Именно такой способ повседневного бытия, по мнению российского реформатора, заповедовал нам Иисус Христос. В своей Нагорной проповеди, ярко описанной в библейских сказаниях, он изложил главные требования к человеческим деяниям и поступкам. В дальнейшем в период странствий по израильской земле из уст святого проповедника из Назарета прозвучали внушенные Господом пламенные речи, в которых содержался весь свод правил и обязанностей каждого христианина. Однако длительное время этот перечень заповедей оставался не востребуемым. Никто из служителей православной церкви не использовал должным образом наследие Божьего посланника на Земле. В силу исторических обстоятельств и, по-видимому, из корыстных побуждений церковное руководство ложно истолковывало Христовы заветы, затушевывая и искажая принесенный Спасите-

лем благодатный свет. Л.Н. Толстой убежден, что в возникшей новой ситуации, когда богословские шоры спали с глаз просвещенных людей, пришло время раскрыть истинный смысл учения Иисуса Христа и принять его божественные истины в качестве жизненных ориентиров. Только тогда, положив в свои максимы подлинное христианское жизнепонимание, можно будет действительно осуществить вековую мечту человечества и построить гуманное общество. Игнорируя же заповеди сына Божия и строя свои социальные отношения на прежних языческих представлениях: «око за око, зуб за зуб», человеческий социум и далее, и все глубже будет погрязать в многочисленных пороках и никогда не освободится из жестких объятий «Содома и Гоморры».

Объективно грандиозная программа обустройства духовного бытия, предложенная великим русским мыслителем, противостояла православной идеологии. Ее идеи толерантности и гармоничности человеческого общежития несли в себе мощный взрывоопасный заряд, угрожающий главным параметрам средневекового стиля жизни. По своему содержанию она явно выплескивалась из берегов, обозначенных церковными границами. Прежний мир образов, норм и идей был устроен таким образом, что большинство людей пребывало в темноте и невежестве. Центральное место занимали в нем абсолютные религиозные догмы, а все другие формы сознания – искусство, мораль, литература и философия, политика, право, наука выполняли вспомогательные функции. Они были призваны дополнять, всячески иллюстрировать и пропагандировать божественные истины, не претендуя при этом на какую-либо самостоятельность. Ни один из шедевров литературного и художественного творчества, ни одно, даже самое выдающееся открытие науки, не могло появиться на свет без предварительного разрешения наделенных властью блюстителей православной веры. Редко кому удавалось самостоятельно донести до публики свое творение и потихоньку проскользнуть через поставленные препоны, мимо бдительного ока священнослужителей. Будучи идеологическим придатком российской монархии, святая церковь зорко следила за сохранением сложившегося статус-кво в духовном производстве и регулировала буквально каждое проявление человеческой самости. Как бы то ни было отступления от богословских установлений, они жестко пресекались цензурой,

опирающейся на мощь государственных департаментов. Естественно, что все это сдерживало развитие науки и техники на территории Российской империи.

Вряд ли у кого-либо могут закрасться сомнения, что Л.Н. Толстой, формулируя свои революционные предложения, призывает общественность положить конец безраздельному господству религии. Мыслитель сбрасывает теологические путы и открывает творческой интеллигенции широкие двери в безбрежный мир для создания художественных и естественно-научных произведений. Православная церковь, возводя баррикады на пути научных исследований, по его мнению, занимается абсолютно не тем, чем должна. Вместо того чтобы проповедовать и нести в массы заветы Иисуса Христа, обожествившая себя иерархия настойчиво ищет пути к сохранению языческой жизни. Она навязывает верующей пастве свои замшелые догмы, ведущие к разделению людей на богатых и бедных и порождающие многочисленные войны. Борясь за обеспечение собственного благосостояния, церковные магнаты цепляются за мифологические представления о мироздании и вводят в практику богослужения никому не нужные и бесполезные таинства. Кто из современных образованных людей, подчеркивает яснополянский мыслитель, может искренне верить в то, что во время причастия, когда верующие вкушают хлеб и употребляют вино, они тем самым поедают тело Христово и пьют Его кровь. Это же чистейшая отрыжка древнего каннибализма, совершенно несовместимая с нормальным человеческим разумом. Необходимо очистить богословскую догматику от подобных мифологем и пересмотреть православное вероучение под углом зрения его правдивости и тождественности с христианскими заповедями, где человек в своем земном и естественном состоянии является высшей ценностью.

Радикальные выводы Л.Н. Толстого не были голым отрицанием многовековой церковной службы православных проповедников. Великий певец земли русской не отбрасывал полностью воздвигаемые церковью библейские истины. Он призывал только к кардинальному пересмотру теории и практики православных культовых отправления. В качестве альтернативы русскому православию мыслитель предлагал обществу очищенный от мифологии целый пласт духовных ценностей, отсутствующих в общественном созна-

нии средневековья и имеющих гуманистическую направленность. Главное содержание этого пласта составляли общечеловеческие моральные требования, которые должен исполнять каждый исповедующий Христово учение. Новая трактовка заповедей Иисуса Христа получила широкий отклик в кругах творческой элиты страны, а также далеко за пределами России.

Свидетельств положительного признания концепции великого реформатора несметное количество. Последователи толстовского учения спонтанно появились во всех концах Земли. Об одном из таких приверженцев повествует, к примеру, знаменитый создатель науки кибернетики Норберт Винер, описывая в своей автобиографической повести случай, коснувшийся его семьи. Носителем идей Л.Н. Толстого был его собственный отец. Характеризуя отцовские мировоззренческие установки, Н. Винер пишет: «Однажды ему случилось посетить студенческое собрание гуманитарного характера. Прозвучавшие речи усилили у него склонность к толстовству, существовавшую в нем давно, и он решил отказаться от выпивки, табака и употребления мяса до конца своей жизни» [1, с. 10]. Победное шествие воззрений российского первопроходца происходило и в нашей стране как в пространстве, так и во времени. И в нынешние дни ученые Москвы, Тулы и других городов России плодотворно разрабатывают этическую доктрину современности, опирающуюся на толстовское наследие. Ядром новой концепции, согласно убеждениям этих теоретиков, должно стать непротивление злу насилием. Вне всяких сомнений новое истолкование христианских истин, которому Л.Н. Толстой посвятил львиную долю философско-теологических исканий на протяжении многих лет, имело и имеет до сих пор непреходящее историческое значение. По сути, оно открывает наиболее благоприятные перспективы для беспрепятственного развития науки и ее многочисленных прикладных исследований.

Однако толстовский сценарий перестройки общественного сознания и поведения людей в условиях развертывания научно-технической революции значительно опередил свое время. Разумеется, он не был просто красивой мечтой великого русского мудреца. Отдельные примеры работоспособности его идейной конструкции присутствовали в российской и зарубежной действительности. Отказы отдельных солдат русской

армии участвовать в карательных операциях против восставших рабочих и крестьян, кампания переселения духоборов из России в Канаду, общественная деятельность квакеров в США, революция в Индии под руководством М. Ганди – все это объективные феномены, о которых знал и которые поддерживал в меру своих сил российский просветитель. Однако реальный ход исторических перемен, совершившийся в нашем Отечестве в двадцатом столетии, прошел мимо толстовского философско-теологического наследия. Концепция писателя осталась в стороне от центральных преобразований духовной сферы. Ни идеологи последних дней династии Романовых, ни идеологи нарождающейся советской власти не усмотрели какого-либо позитивного значения в теоретической доктрине яснополянского графа. Дальше признания глубины его художественных произведений дело не пошло. Слишком уж ожесточенной была борьба за новое устройство Российского государства. Беспощадный характер противостояния вызывал у борющихся сторон отрицание толерантного и гармоничного состояния общественной жизни, которое так страстно хотел приблизить Л.Н. Толстой.

Уходящее самодержавие пыталось законсервировать институт православия как важнейший оплот поддержания и продления собственного господства. Конечно, оно в штыки встретило толстовские воззрения, предусматривающие трансформацию существующего православного вероисповедания. Реакция была довольно жесткой. Мыслитель был отлучен от церкви. Его философско-теологические работы печатались только за границей и ходили в России в рукописном виде. Сам он чудом избежал физических репрессий. Разумеется, ни о каком компромиссе с толстовским мировоззрением правящие круги не помышляли. Какой-либо нужды в новом облике мира для них не существовало. Они его просто боялись. И светская, и духовная власть всячески старались сохранить рогатки на путях развития науки и техники, чтобы оттянуть сроки своего ухода с исторической сцены.

Крайнее левое крыло революционных сил, пришедшее к власти в 1917 году, выработало собственную программу возрождения нашей страны. Чтобы расчистить дорогу научно-техническому прогрессу большевистские лидеры во главе с В.И. Лениным предложили вообще ликвидировать религиозные отправления. На сме-

ну последним должен был прийти воинствующий атеизм. Такое низложение религии, с их точки зрения, откроет простор для научных и технических изысканий и обеспечит им быстрое и существенное приращение. При этом никто не считался с нравственными издержками. В разрушенной и растерзанной войной стране моральные идеалы отошли на второй план и абсолютно не учитывались. Естественно, христианские идеи великого русского писателя, шедшие вразрез с подобными устремлениями, не нашли какой-либо поддержки. Они были просто не пригодны в советской республике.

Европейские стандарты осуществления научно-технического прогресса и связанные с ним метаморфозы феодального общественного сознания тоже не пришлись впору философско-теологическим построениям русского мыслителя. Расхождение между ними, по-видимому, и спровоцировало критические стрелы Л.Н. Толстого, направленные в адрес науки и просвещения. Как известно, современники писателя неоднократно сетовали ему, что он не справедлив в своей негативной оценке научных изысканий и каких-либо достижений техники и науки. На наш взгляд, нельзя абсолютизировать критические замечания Льва Николаевича. Ведь подобную критику науки мы встречаем у Достоевского, Розанова, Мережковского и у других российских корифеев мысли. Даже друг писателя Н.Н. Страхов, занимавшийся философскими проблемами естествознания иногда высказывал такие же критические оценки. Можно сослаться на его характеристику книг: «Книги, – писал он, – большое зло; в этом нужно согласиться с гр. Л.Н. Толстым. Вера в книги есть большое суеверие, мешающее ясному и здоровому взгляду на вещи» [2, с. 212].

Начальная стадия прогресса в Европе ознаменовалась крутым поворотом в обосновании Божьего присутствия в мире. Постичь Вседержителя, заявил английский философ Фрэнсис Бэкон, мы можем только через Его творения, подвергая тщательному анализу природу и гражданское общество. На поверхности все выглядело вполне обыденно и благопристойно. Ставилась задача дальнейшего расширения области религиозной веры, получения более четких и правдивых свидетельств бытия Бога и других трансцендентных феноменов. Но в реальной действительности подобные упования обернулись пирровой победой. Главной причиной аберрации явилось

то, что продукты науки, призванные поддержать падающий авторитет религии, носили двойственный характер. С одной стороны, они как бы служили интересам веры в Бога, приводя все новые и новые свидетельства Божьих заслуг при сотворении мира. Однако, с другой стороны, эти же самые продукты подрывали и умаляли действенность традиционных средств (мистики и чудес), составляющих главное основание религиозных убеждений. С накоплением научных сведений прежние сверхъестественные объяснения и библейские догмы все больше и больше оттеснялись на периферию. Это происходило не только в европейских культурах, но и в русском православии. Л.Н. Толстой дает такое описание этой ситуации: «Так что как теперь, так и прежде вероучение, принятое по доверию и поддерживаемое внешним давлением, понемногу тает под влиянием знаний и опытов жизни, противоположных вероучению, и человек очень часто долго живет, воображая, что в нем цело то вероучение, которое сообщено было ему с детства, тогда как его давно уже нет и следа» [3, с. 107].

Однако самое важное состояло в том, что по мере неизбежного умаления авторитета религии наука и техника, как носители Божьих знаний, стали превращаться в объект беспредельного обожания и восхваления, вытесняя религиозную веру. Они не только сравнивались в своем статусе с теологическими суждениями и догмами Писания, но постепенно даже стали возвышаться над ними. В немалой степени этому способствовала культовая практика освящения природных источников, гор и холмов, бытовавшая в недрах того или иного вероисповедания. Как следствие, святость перекочевала с отдельных природных явлений на массу социальных феноменов, а также на плоды научной деятельности. Последние совершенно спонтанно приобрели в сознании просвещенных людей новую, только им присущую, привлекательную «святость». В некоторых отраслях науки обозначились претензии на обладание абсолютными истинами. В итоге вера в Небожителей все чаще и чаще стала уступать свое место вере в научно-технический прогресс. Л.Н. Толстой в годы становления себя как мудреца тоже отдал дань подобному верованию. «Жизнь в Европе и сближение мое с передовыми и учеными европейскими людьми, – писал он, – утвердили меня еще больше в той вере совершенствования вообще, которой я жил, потому, что ту же самую веру я на-

шел и у них. Вера эта приняла во мне ту обычную форму, которую она имела у большинства образованных людей нашего времени. Вера эта выражалась словом «прогресс» [3, с. 13].

Конечно, в период буржуазных преобразований в европейских странах вера в научно-технический прогресс выполняла важную общественную функцию. Благодаря этой вере сложились хорошие условия для расширения машинного производства и бурного роста естественных и социальных наук. Все это способствовало безмерному накоплению богатства и улучшению жизни простого народа. Несомненно, под воздействием этих факторов в сознании людей возникали и плодились иллюзии о всеисилии науки. Европейцы думали, что если они будут и дальше целенаправленно строить свою деятельность на научных знаниях, то непременно создадут в своих странах рай Божий. Все умирительно мечтали, пишет Л.Н. Толстой, что «наука выработает средства, во-первых, для того, чтобы правильно распределять удовлетворение потребностей, а, во-вторых, средства производить так много и легко, что все потребности легко будут удовлетворены, и люди тогда будут счастливы» [4, с. 323]. При этом, продолжает русский мыслитель, они совсем не замечали того, что такое «решение вопроса есть только перефразированное царство Мессии, в котором роль Мессии играет наука, а что для того, чтобы объяснение такое объясняло что-нибудь, необходимо верить в догматы науки так же бесконтрольно, как верят Евреи в Мессию, что и делают правоверные науки, с тою только разницей, что правоверному Еврею, представляющему себе в Мессии посланника Божия, можно верить в то, что он все своей властью устроит отлично; для правоверного же науки по существу дела нельзя верить в то, чтобы посредством внешнего изучения потребностей можно было решить главный и единственный вопрос о жизни» [4, с. 323–324].

Почему же Л.Н. Толстой отказывает европейскому сценарию научно-технического прогресса в обретенной «святости»? Думается, у писателя не было каких-нибудь личных обид на ученых или какого-либо злопыхательства в отношении научных достижений, подрывающих авторитет христианской веры. Нам представляется, что все дело в том историческом опыте, который приобрели русские мудрецы. Перемены в России происходили гораздо позже, чем в европейских государствах. В Европе наука и техника уже достигли достаточ-

но зрелых высот. Обрели самостоятельность физика и математика, биология и химия, география и астрономия. На территории европейских стран раскинулась сеть университетов с их профессорской элитой, прикладных научных институтов и лабораторий. Умная техника, сложившаяся в систему разнообразных машин, произвела коренной переворот практически во всех областях общественной жизни. Более того, европейское сообщество приступило к самопознанию, дав миру социалистические учения, теорию К. Маркса и науку социологию, разработанную О. Контом и Г. Спенсером. Европейцам представлялось, что опираясь в своей жизни на научные и технические ценности, они обязательно и в короткие сроки окажутся в заветной долине Эльдорадо. Однако, несмотря на все старания, создать общественное устройство, основанное на научных и технических достижениях и свободное от социальных язв, эксплуатации и страданий, так, к сожалению, и не удалось.

Поэтому-то российские мыслители Серебряного века, которым были хорошо известны попытки европейцев и их плачевные результаты, уже не питали столь радужных надежд на научно-технический прогресс. Разочаровался в нем и Л.Н. Толстой. Прозрение наступило у писателя во время пребывания во Франции, когда он посетил место казни преступников. «Когда я увидел, – пишет Лев Николаевич, – как голова отделилась от тела, и то, и другое врозь застучало в ящике, я понял – не умом, а всем существом, – что никакие теории разумности существующего и прогресса не могут оправдать этого поступка и что если бы все люди в мире, по каким бы то ни было теориям, с сотворения мира, находили что это нужно, – я знаю, что это не нужно, что это дурно...» [3, с. 113].

Разочарование в европейском пути развития научно-технического прогресса способствовало тому, что Л.Н. Толстой так своеобразно оценил природу и функции науки. Русский мыслитель пришел к выводу, что без очищенного христианства с помощью одного лишь научного знания благодатно обустроить наш социум невозможно. Таковы уж особенности науки как формы общественного сознания. В отличие от религии, она абсолютно не предназначена для освещения коренных вопросов человеческого бытия. Ее призвание – раскрывать глубинные, но частные стороны природных и социальных

явлений. Даже философия, исследующая проблемы бесконечного и вечного, не может справиться со столь трудной задачей, так как не показывает путей достижения всеобщего блага. А что уж говорить обо всех других науках, раскрывающих только некоторые причины существования природных и социальных образований. В лучшем случае они демонстрируют пути достижения лишь отдельных благ. И хотя люди науки, подчеркивает Л.Н. Толстой, как правило, воображают и даже надеются, что опытным путем можно исследовать буквально все нюансы и закоулки земного и небесного мира, однако, подобные упования совершенно беспочвенны и утопичны. Мы даже не можем сосчитать число радиусов в шаре, поскольку оно бесконечно, а тем более, когда перед нами безбрежная совокупность различных человеческих страстей и поступков. Бесплезно «изучать со всех сторон, а надо знать, с какой стороны важнее, нужнее, и с которой менее важно и менее нужно» [4, с. 320]. А это уже прерогатива народной мудрости и посильно лишь тем, кто обладает соответствующим разумением жизни.

К тому же, указывает Л.Н. Толстой, для науки и техники безразлична дихотомия добра и зла. Они вполне могут оказаться как на службе у отъявленных негодяев, так и на службе добрых

людей, использующих их во благо каждого человека. Эта чистота и отрешенность науки и техники от человеческих страданий и интересов способствует тому, что научные истины не так подвержены искажению со стороны тех или иных социальных субъектов. Руководствуясь этой особенностью, приверженцы науки, когда исследуют истины религии, то не видят в них качественно своеобразной формы знания и вообще каких-либо разумных основ. Верующие в научно-технический прогресс «прямо отрицают всякие учения о будущей жизни и смело утверждают, что все эти учения не имеют никакого основания, а суть только остатки грубых обычаев невежества...» [4, с. 329]. Между тем в этих религиозных учениях «браминов, Будды, Зороастра, Лао-дзы, Конфуция, Исаяи, Христа» [4, с. 330], подчеркивает Л.Н. Толстой, содержится вековая мудрость, открывающая дорогу к всеобщему благу. Надо лишь очистить эти учения от исторических искажений, которые внесли в них различные фарисеи. Только отказавшись от абсолютизации научных фактов и теорий, только приняв на вооружение народную мудрость из имеющихся великих учений прошлого, можно правильно направить научно-технический прогресс и получить результаты, необходимые для счастливой и достойной жизни всех членов человеческого сообщества.

5.02.2012

Список литературы:

1. Винер, Н. Бывший вундеркинд. Мои детство и юность. – Оренбург, 2004.
2. Страхов, Н.Н. Философские очерки. – Киев, 1906.
3. Толстой, Л.Н. Исповедь // Публицистические произведения 1855–1886. Собр. соч. в 22 т. – М., 1983. – Т. 16.
4. Толстой, Л.Н. О жизни // Л.Н. Толстой Полн. собр. соч. – М., 1958. – Т. 26.

Сведения об авторе:

Шмелев Валерий Дмитриевич, заведующий кафедрой истории и социально-политических дисциплин Уральского государственного лесотехнического университета, доктор философских наук, профессор
620100, г. Екатеринбург, ул. Сибирский тракт, 37, e-mail: chmelev-vd@mail.ru

UDC 281

Shmelev V.D.

The Ural state timber university, e-mail: clirnelev-vd@mail.ru

RELATION OF TOLSTOI L.N. TO THE SCIENCE-TECHNICAL PROGRESS

Developing science-technical progress in post Russia got ambiguous valuation about native philosophers. Tolstoi's understanding this social phenomenon expressed that developing of science and technical in our country would be more effective, when Christ's learning would affirm in public cognition.

Key words: progress, science, technical, religion, folk wisdom.

Bibliography:

1. Wiener, N. Ex prodigy. My childhood and youth. – Orenburg, 2004.
2. Strahov, N.N. Philosophy outline. – Kiev, 1906.
3. Tolstoi, L.N. Lexion // Publicities works 1855–1886. Complete works in 22 vol. – М., 1983. – Vol. 16.
4. Tolstoi, L. N. About life // L.N. Tolstoi Complete Works. – М., 1958. – Vol. 26.